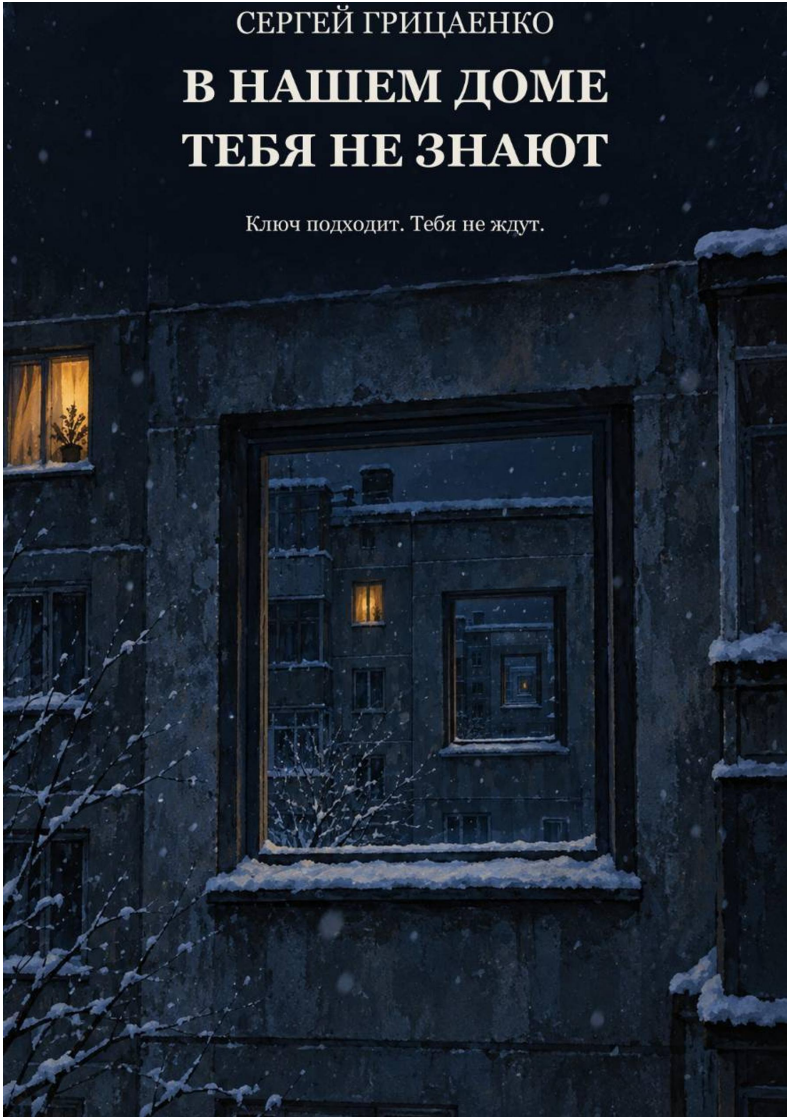
СЕРГЕЙ ГРИЦАЕНКО

В НАШЕМ ДОМЕ ТЕБЯ НЕ ЗНАЮТ

Ключ подходит. Тебя не ждут.

Сергей Грицаенко

В нашем доме тебя не знают

https://litres.ru/74722573
SelfPub; 2026

Аннотация

В домовом чате снова обсуждают Кирилла. На этот раз — за чужую коробку, которую он всего лишь хотел донести до квартиры. Он знает, чем всё закончится: сосед пожалуется маме, мама велит извиниться.

Но вечером сосед стоит перед собственной дверью, а жена спрашивает из-за неё, кто он такой.

Кирилл знает, с чего всё началось. Он ещё надеется исправить ошибку. Только в знакомом подъезде появляются лишние метры, и всё труднее понять, куда ведёт обычный лифт. А дома ждёт мама. Пока ещё ждёт.

Содержание

Глава 1. Пакет с доказательствами 4
Глава 2. Ключи на столе 15
Глава 3. Во дворе всё нормально 20
Глава 4. Мира берёт рулетку 27
Глава 5. Не ходи за ключом 32
Глава 6. Мальчик возле коробки 38
Глава 7. До следующего обхода 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Сергей Грицаенко
В нашем доме тебя не знают

Глава 1. Пакет с доказательствами

В нашем доме мусор сначала фотографировали, а потом уже выбрасывали. Как-то возле лифта оставили пакет. Пока соседи выясняли, чей он, я отнёс его до баков и написал в чат: «Всё, убрал».

«А чего сразу не признался, что это твоё?»

Первым ответил сосед Валерий Горин, самый душный и беспощадный человек в чате. По утрам он мог придержать мне лифт, но за проступки спуску не давал. Через минуту в чат позвали маму — объяснить мне, где мусорные баки. Я как раз от них возвращался.

На другое утро он придержал мне лифт. Я ещё «спасибо» не договорил, а он уже повернулся ко мне:

— Ну что, молодой человек, мама объяснила, куда мусор носят?

С нами ехала девчонка из моего класса. Пока я соображал, как сказать при ней, что пакет вообще был чужой, Горин переспросил: «Я с кем разговариваю?» Я выдавил: «Объясни-

ла». Он выпустил кнопку. С тех пор, если я видел у подъезда его куртку, у меня как раз находился шнурок, который надо перевязать.

Чужие пакеты я тоже больше не трогал. С коробками, как выяснилось, стоило поступать так же.

Это была последняя пятница октября. Утром я ушёл в школу в толстовке: во дворе шуршали сухие листья, и тёплая куртка осталась висеть в шкафу. А на последнем уроке за окнами повалил первый снег. К моему возвращению дворник уже сгрёб со двора целый вал — белый сверху, жёлтый от листьев по бокам.

На обратном пути я зашёл за хлебом и молоком. От магазина до подъезда добежал, натянув капюшон до бровей, но кроссовки успели промокнуть. На каждом шагу под правой пяткой хлюпало. Я задрал голову. Из кухни видна дорожка от магазина. Иногда мама замечала меня из окна и встречала у открытой двери. Сегодня наше окно было тёмным. *Ушла, что ли?* Домофон принял мой ключ только с третьего раза.

— Спасибо, что пустили, — сказал я домофону голосом

маминой начальницы.

Возле лифтов на плитке растекалась лужа. Посреди неё стояла картонная коробка. Нижний угол потемнел, полоска скотча плавала в талой воде. Ещё немного — и поднимешь за бока одни пустые стенки. Я подсунул ладонь под дно и потащил находку к скамейке. На мокрой бумажке сбоку синей ручкой было выведено «Горина, кв. 33». Фамилию я прочитал без труда. Насчёт первой тройки пришлось прищуриться.

— Не сюда, — сказала девочка.

На сиденье были разложены обрезки джинсов. Хозяйка этого добра придавила локтем выкройку, чтобы я ненароком её не смахнул.

— Это общественная скамейка, — сообщил я.

— А это мои штаны.

Она сгребла лоскуты к себе. Я попробовал пристроить коробку с самого краю. Мокрый угол повис над плиткой.

Девочка склонила голову набок, прикинула, сколько не хватает. Короткая тёмная чёлка сползла ей на бровь. Она сдула прядку с досадой: руки-то заняты.

— Ты из восемьдесят второй?

— А если из восемьдесят второй, скамейкой пользоваться можно?

— У окна поставь, там сухо. Я Мира, с шестого. У нас шестьдесят первая.

Я подхватил коробку. До подоконника два шага, только

кто скажет людям из тридцать третьей, где она стоит? Проще доехать до третьего и позвонить. Я повернул к лифту.

За спиной полыхнула вспышка.

Я обернулся. У почтовых ящиков стоял Горин. Он опустил телефон. Он глянул на экран, потом на мой кроссовок посреди лужи.

— Мальчик, стой. Поверни мокрым углом ко мне. Хозяину потом с чем к курьеру идти?

Я послушно повернул к нему тёмный угол и тут же разозлился на себя. Хотел сказать: «Коробку и без меня снять можно». А сам стоял и держал, пока он наводил резкость. Горин отступил на шаг, чтобы коробка вошла целиком. Камера щёлкнула.

— Тут ваша фамилия, — сказал я и протянул ему коробку. — Возьмёте?

Он придержал дно ладонью и заглянул на мокрую бумажку.

— Номер разбираешь?

— Вроде тридцать третья.

— Восемьдесят третья у нас. И я ничего не заказывал.

— Тогда я по номеру отнесу.

— Поставь у окна. Я напишу в чат, хозяин спустится. Не хватало ещё по этажам её искать.

Поставь. Пусть сам её потом и тащит. Я оглянулся на подоконник. Он был широкий, сухой. С прошлого месяца там лежала одна детская варежка. Её тоже, наверное, кто-то

оставил на самом видном месте.

— Я всё-таки позвоню в тридцать третью. У них, может, вообще чата нет.

Горин убрал ладонь из-под коробки. Я кивнул на телефон.

— Вы только меня обрежьте, ладно?

— Я коробку снимал, молодой человек. Поставил бы у окна — тебя бы там не было.

Первым пришёл большой лифт. Я придержал створку плечом. Горин махнул мне, чтобы ехал, а сам нажал кнопку маленького. *Хорошо всё-таки, что у нас два лифта.* Хоть до третьего доеду спокойно, без разговоров про то, где мне следовало оставить коробку. Я перекинул пакет на запястье, прижал коробку к груди и ткнул костяшкой в тройку.

Пока кабина поднималась, я разглядывал себя в зеркале у кнопок. Капюшон съехал, мокрая чёлка прилипла ко лбу, зато над ушами тёмные волосы торчали в стороны. Я попробовал пригладить их ухом о плечо. От этого одна бровь поползла вверх. Мама всегда замечает: «Ага. Сейчас ты мне скажешь, что всё нормально». Вчера я так стоял перед ней с разбитым коленом и доказывал, что пластырь мне не нужен. А потом сам за ним полез, когда она ушла на кухню.

Снимок у Горина я бы сейчас посмотрел. Интересно, на нём у меня тоже такое лицо? Я поправил коробку локтем: мокрое дно опять прогнулось.

В тридцать третьей никто не ответил. Оставить посылку под дверью я не решился. А если цифры всё-таки другие? Дома под лампой разберу. Может, и мама ещё не ушла. Я снова вызвал лифт. Пока ждал, над дверями маленького уже горела восьмёрка.

На своём этаже я зацепился пакетом за порог кабины. Ручка лопнула, бутылка ударилась о металлический желобок. До нашей двери я добрался, прижав хлеб с молоком к боку и придерживая посылку подбородком.

Я толкнул нашу дверь плечом. В прихожей горел свет. Мама сидела на обувной полке в куртке и стаскивала ботинок.

Я поставил продукты и коробку на коврик, снял рюкзак и повесил у двери.

— Кир, я уже свет на кухне погасила, обулась, за телефон взялась — три процента. Ты мою зарядку не видел?

— На кухне.

— Там смотрела.

— Под шарфом?

— Кирилл, я везде смотрела.

Я приподнял её шарф. Под ним лежала зарядка.

— А. Ну подай, раз нашёл.

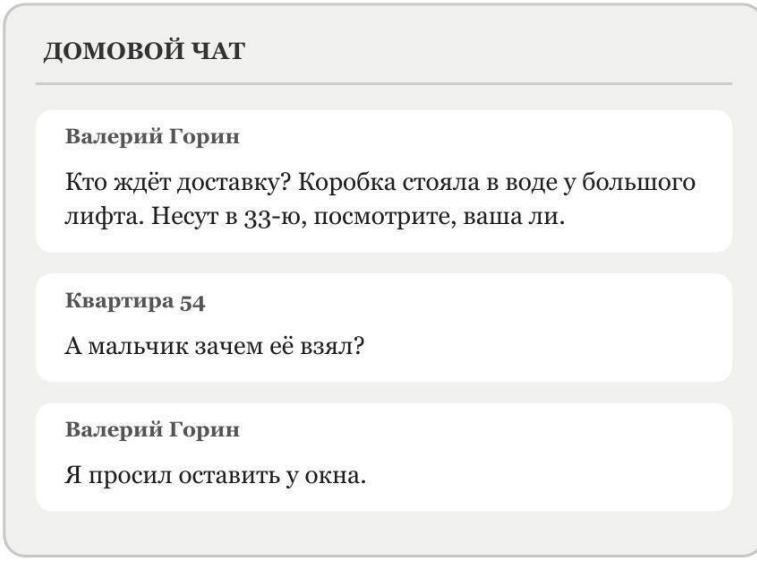
Мама обулась, спрятала зарядку в карман и поправила мне капюшон. Её пальцы были тёплые, я даже шею вытянул. Потом она заметила мокрый картон у полки. Я только начал: «Там Горин с телефоном…» — а у неё уже звонили с работы.

— Нет, адрес полностью, — сказала мама в телефон. — Улица, дом, корпус. «За аптекой» — это не адрес.

Мама работала диспетчером аварийной службы. Она застёгивала куртку прямо на ходу. Похоже, ужинать придётся одному. Я достал телефон посмотреть время. В домовом чате Горин спрашивал, кто ждёт доставку. К сообщению он прикрепил фотографию. Мокрый угол на ней вышел отлично. И я тоже, во весь рост, с открытым ртом.

Я открыл ответы. Сосед из пятьдесят четвёртой спросил, зачем мальчик взял коробку. За меня уже ответил Горин: «Я

просил оставить у окна».

Кто-то позвал в чат маму. Она заглянула мне через плечо.

— Кир, убери пока молоко и вытри пол. А в чате ничего не пиши, ладно? Вернусь, разберёмся.

— Но я…

Она прижала телефон плечом, поцеловала меня в макушку и вышла. Я написал Горину в личку: «Валерий, уберите, пожалуйста, фото. Меня видно».

В общем чате под снимком прибавилась ещё одна смеющаяся рожа.

Я набрал «Вы сначала спросите» и стёр.

В личке уже стояли две галочки. Прочитал. Я вернулся к снимку. Так и висит.

Я ткнул в три точки возле снимка. У своих сообщений здесь была корзинка. У чужого вместо неё появилась серая полоска.

«Этот жилец вам мешает?»

Я тронул полоску. Открылась карточка Горина. Рядом с фамилией зеленел ключ.

«Убрать из жильцов».

Весной меня самого забыли внести в список. Брелок мигал красным, пока мама не сходила в управляющую. Я тогда полчаса мёрз у подъезда.

Я коснулся надписи. «Подтвердите из квартиры 83». Я прислушался. У Гориных за дверью было тихо.

Если Горин спросит, зачем я… Дз-з-з!

Я отскочил от стены и пяткой угодил в молоко. Над плечом снова затрещала трубка. Наша.

Я снял её с крючка. «Квартира восемьдесят три, — сказала женщина. — Ваш код: шесть, четыре, девять». Я отвёл трубку от уха. Последнее «девять» ещё слышно было в пустой прихожей.

Нас с соседями перепутали? Я ввёл три цифры. «Подтвердить». Под кнопкой мелко: «Ключ перестанет работать сразу».

Я представил Горина у домофона. Приложит брелок. Красный. Ещё раз — опять красный. Придётся звонить Ирине и просить, чтобы впустила. *Постой теперь сам, молодой*

человек.

Я нажал «Подтвердить».

Глава 2. Ключи на столе

Телефон коротко щёлкнул.

«Место освобождено».

Ниже стояло «Разбор в 03:17». Я заблокировал экран. *А если Ирины дома не будет? Он же с Аськой гуляет. Ей тоже у подъезда мёрзнуть?*

На коврике блестела белая лужица. Я перелил остатки молока в банку, поставил её в холодильник и вернулся со старой маминой футболкой, которую она отдала на тряпки. Чтобы протереть под коробкой, пришлось повернуть её сухим боком. Под прозрачным скотчем обнаружилась белая этикетка. «Ирина Горина. Кв. 83».

Я поднёс к лампе мокрую бумажку. У восьмёрки смыло левый бок. Вот тебе и тройка.

Восемьдесят третья. И надо было мне с ней на третий таскаться?

Я взял ключи и подхватил коробку снизу. Внутри что-то звякнуло. На боку коробки был нарисован прибор с маской. Пока я возился с замком, с площадки донёсся знакомый голос.

С нашего порога дверь Гориных видна через лифтовую площадку. Горин стоял ко мне спиной, в футболке и домашних штанах. Под голыми пятками расплющились задники тапок.

— Ир, ну открой. Ключ на столе оставил.

За дверью молчали.

Я прикрыл за собой дверь. До соседа было всего несколько шагов мимо лифтов. Поравнявшись с ним, я повернул коробку сухим боком кверху.

— Валерий, посылка всё-таки ваша. Смотрите, тут под скотчем «Ирина Горина». А я восьмёрку за тройку принял.

Он глянул на этикетку и снова приник ухом к двери.

— Поставь.

Я поставил возле его ноги. Пришлось чуть сдвинуть коробку, чтобы не прижать плюшевое ухо.

Из квартиры спросили:

— Вы уйдёте или нет?

Ирина. Я столько раз слышал через открытое кухонное окно, как она спорит со службой доставки. Но при мне она ни разу не говорила мужу «вы».

— Ир, мы же с тобой только что на кухне сидели. Я к Светке за пакетом вышел, а дверь за мной хлопнула. Ты глянь в глазок. В этих зайцах я, по-твоему, с улицы пришёл? Аська с тобой?

— Да, Ася со мной. Откуда вы знаете, как мы её зовём? Я вызвала полицию.

Валерий снял палец со звонка и поискал мой взгляд. Обычно он смотрел на меня через экран своего телефона. Я впервые заметил, какие у него светлые ресницы.

— Кирилл, она тебя знает. Скажи ей.

— Что сказать?

Он шевельнул губами. На секунду у него сделалось такое же растерянное лицо, как у Аси, когда она потеряет варежку.

— Что я домой пришёл.

Я встал перед глазком, чтобы Ирина увидела и меня.

— Это ваш муж.

Там что-то щёлкнуло. Глазок потемнел.

— Мой муж на кухне.

— Валер! — позвала она уже в глубь квартиры. — Иди сюда на минутку.

— Я здесь, Ир, — сказал Горин.

Глазок посветлел. Прошлёпали тапки. Издалека, гораздо тише, ещё раз донеслось «Валер?». Мы ждали. Сосед стоял, прижав ладонь к двери. По белому шраму на большом пальце я бы его и без лица узнал. Ещё утром он этим пальцем держал для меня кнопку лифта.

Шаги вернулись.

— Кир, на кухне одни ключи на столе. Погоди, я ему на мобильный наберу.

У Горина в кармане зазвонил телефон. На экране высветилось «Ира».

— Да, Ир.

— Валер, ты где? У нас тут…

Она осеклась. Горин отвёл телефон от лица.

— Здесь я, — сказал он уже в дверь.

— Кир, дай я посмотрю, — попросила она.

Я отошёл от глазка. Горин снова приложил телефон к уху.

— Откуда у вас Валерин телефон?

Горин посмотрел на экран. Звонок кончился.

— Из кармана, Ир. Ты же видела.

Дверная ручка стала медленно опускаться. Сосед потянул дверь на себя, но замок ещё держал.

— Ася, отпусти. Иди сюда, ко мне.

Ручка поднялась обратно.

— Ир, ты хоть голос мой узнаёшь?

— Голос твой. А в глазок смотрю — первый раз человека вижу. Валер, если это ты, подожди с Киром, ладно? Мы с

Аськой тут одни. Приедет полиция — открою.

В квартире заплакал ребёнок. Мужчина присел на корточки. У самого пола на двери блестела звезда с загнутым лучом. Он расправил его ногтем.

— Ась. Зайка. Ты там?

Плач прекратился. Под дверью потемнело. Кто-то подошёл вплотную.

— Мама, а почему этот дядя говорит папиным голосом?

Глава 3. Во дворе всё нормально

У меня в кармане завибрировал телефон. Валерий всё ещё сидел на корточках перед Асиной звездой.

«Вы подтвердили освобождение места. До разбора: 08:34».

Я посмотрел на часы. Шесть сорок три вечера. Восемь с половиной часов ему тут сидеть?

— Кир, — тихо сказал Горин, поднимаясь. — Позвони матери.

Я открыл мамин номер. *И что я ей скажу? Мам, это я его из жильцов убрал?* Пока я собирался с духом, за спиной звякнул лифт. На площадку вышли двое полицейских.

Один полицейский отвёл Горина к лифту. Второй постучал, представился и поднёс удостоверение к глазку. Только тогда Ирина отперла дверь. Я поднял посылку с пола и показал ей белую этикетку. «Ой, я её только завтра ждала. Спасибо, Кир». Она забрала коробку и поставила за собой в прихожей. Валерий отступил от лифта на шаг, и она тут же загородила дверь плечом. Один полицейский остался с ней. Второй велел нам спуститься и спросил, есть ли у меня документ с именем.

Школьный пропуск лежал в рюкзаке. Пока Горин вызывал лифт, я отпер нашу дверь, снял рюкзак с крючка и закинул на плечо. Пропуск я показал полицейскому уже у кабины.

Обычно Горин в лифте занимал столько места, что я прижимал рюкзак к коленям. Сейчас он сам забился в угол и всю дорогу смотрел на свои босые пятки.

У подъезда снег размесили до чёрной каши. Выйдя на крыльцо, сосед остановился у первой же лужи.

— У меня ботинки наверху, — сообщил он.

Полицейский придержал дверь. Мы сошли по пандусу до перил, где из-под козырька ещё не намело снега. Следом появилась Ирина в пальто. Асю она успела закутать в розовую куртку прямо поверх пижамы; из рукавов у девочки торчали только кончики пальцев.

— Валер? — сказала Ирина.

Он поднял голову.

— Ты чего без куртки?

Таким голосом она разговаривала с ним каждое утро, через площадку от нас. Он прижал голые руки к бокам. Ветер прошивал тонкую домашнюю футболку, слова застревали у него в горле, а с лица никак не сходила улыбка.

Тут до него дошло, что она назвала его по имени. Он засмеялся и чуть не сорвался на крик.

— Ты меня спрашиваешь? Ты же меня не пускала!

Ирина смотрела то на него, то на полицейских. Ася вырвалась и обняла отцовскую ногу. Мне сделалось так легко, что я чуть не сел прямо в снег.

Всё прошло. И зря я на себя подумал. Может, она просто устала? Один сотрудник записывал объяснения, второй

разговаривал с Ириной отдельно. Она плакала и повторяла, что мужчина был незнакомый. Не похожий на мужа. Совсем.

— Но он же вот, — сказал я.

Когда меня перестали расспрашивать, я отошёл к перилам. Сосед нашёл в телефоне снимок паспорта, а его жена поднялась за оригиналом. Вернувшись, она отдала документ человеку в форме. Горин тоже протянул было ладонь и так и стоял с ней. Ирина заметила, вложила в неё свои пальцы.

Ася тем временем присела к отцовским ногам и выжала плюшевое ухо. Он попросил её встать с холодного, но сам придержал за плечо, чтобы не упала. Так они и дождались, пока кончится писанина.

Сотрудники пошли к машине. Ирина потянула мужа к подъезду.

— Пойдём. Чаю сделаю.

Я шагнул к двери первым. Валерий вошёл следом. Его жена уже переступала резиновый коврик, когда вдруг отдёрнула руку.

— Вы что делаете?

Он остановился. Ирина схватила Асю за плечи и потянула к себе.

— Вы зачем за нами?

Я держал наружную дверь. Ирина с Асей уже стояли на коврике в тамбуре. Валерий попятился через порог на крыльцо. Один тапок зачерпнул снег.

— Ир, я тебе руку сдавил?

— Нет, Валер, ты что. — Она ответила сразу, как по телефону. Подняла глаза, увидела, кто перед ней, и прижала Асю крепче. — Кир, а Валера где?

— Я здесь, Ир. Выйди ко мне на минуту.

Ася высунула нос из-за маминого локтя. Ирина нащупала каблуком железную планку. Другой ногой она ещё стояла на коврике.

Валерий протянул ей ладонь. Она пока держалась за Асю.

Ирина переступила через планку. Уже на крыльце снова посмотрела ему в лицо и сама взялась за его ладонь.

— Валер…

Я вцепился в дверную ручку. На этот раз облегчения не было. Полицейские ещё не успели уехать. Валерий махнул им. Они вернулись; мы повторили всё снова. Внутри Ири-

на называла его посторонним. Снаружи — мужем. Один сотрудник вошёл с ними, другой остался возле меня.

— Вы в управляющую звонили? — спросил тот, что внутри.

Полицейский из тамбура посмотрел на Валерия так, словно они ещё не встречались. Потом шагнул обратно ко мне, на крыльцо. Шариковая ручка, которую он крутил в пальцах весь разговор, остановилась.

— Вы мне паспорт показывали, — тихо сказал он Валерию.

Ирина перевела дочь через дорогу, в круглосуточное кафе. За стеклом Ася привстала на стуле и помахала нам рукой. Полицейский передал адрес дежурному и попросил вызвать аварийную бригаду. Прежде чем уехать, принёс из машины клетчатый плед и накинул соседу на плечи.

Я отвёл его к лавке под козырьком, к стене, куда не задувало. Подтаявшая снежная каша добралась до пяток. Он подтянул ноги на нижнюю перекладину лавки, насколько позволяли тапки.

Он спросил:

— Ты чего такой белый?

В уведомлениях ещё висело «Вы подтвердили освобождение места». Я дал ему прочитать. Он вернул мне телефон экраном вверх.

— Что это?

— Я не знал.

— Чего ты не знал?

— Звонили вроде вам, а трубка зазвонила у нас. Я ввёл код. И подтверждение тоже я нажал. Думал, ключ у вас красным мигнёт. Придётся просить, чтоб открыли.

Горин смотрел через дорогу на Асю у окна кафе. Мне было бы легче, если бы он на меня наорал. Он только взял мой телефон и стал искать, куда нажать, чтобы вернуться домой.

— Давай хоть фото уберу, — сказал он. В своём телефоне он открыл чат и удалил снимок. На моём вместо фотографии появилась серая надпись. — А ты можешь свою жалобу забрать?

Он придержал дверь подъезда. Я шагнул на коврик, открыл заявление. Внизу стояла моя фамилия, а кнопки «Отозвать» я не нашёл. Я удалил приложение, скачал заново. Заявление осталось.

Я вышел обратно на крыльцо, выключил телефон и придержал дверь для Валерия. Хотел проверить, узнают ли его внутри, пока телефон выключен. В холле Татьяна с пятого этажа вытирала собаке лапы.

— Татьяна, вы меня знаете?

Она подтянула поводок.

— А должна?

Валерий вышел.

— Не сработало, — сказал он.

Я и так знаю. Вслух я этого не сказал. Под лавкой лежал обрезок доски. Я подвинул его пяткой туда, где с чужих по-

дошв ещё не натаяло. Сосед сел рядом и поставил на доску обоих своих зайцев.

Глава 4. Мира берёт рулетку

Из подъезда вышла Мира. На одной ручке болталась недошитая джинсовая сумка. Девочка свернула к нашей лавке. Сначала заметила длинные мокрые уши на дощечке под ногами Горина, а уж потом посмотрела на него самого.

— Вы чего на снег в тапках вышли? Ключи дома остались?

— Ключи дома. Жена вон там, в кафе. Через дорогу меня мужем зовёт, через порог — уже на «вы».

— А где у неё это «вы» начинается? Прямо в дверях?

— Я тебе до сантиметра не скажу, Мира. По одну сторону она меня за руку держала. По другую — Асю от меня заслонила.

Я снова включил телефон и показал Мире, через какое приложение подал жалобу. На крыльце после переустановки всё выглядело обычно: открыть дверь, вызвать лифт, оплатить квитанцию. Мы перешли через порог втроём. Стоило мне встать на резиновый коврик, как под меню проступила знакомая полоска. Девочка придержала меня за рукав и покосилась на мужчину рядом.

— Погоди. Это тот, с кем мы на лавке сидели? Зайцы на ногах те же самые. А человека над ними я будто первый раз вижу.

— А что там про саму жалобу написано? — Мира показала на серую полоску у меня на телефоне.

— Одни цифры, — сказал я.

— Нажми на время.

Я прочитал вслух фамилию Горина, номер квартиры и эти дурацкие слова — «место освобождено». Дальше шла моя фамилия. Её я пробормотал себе под нос. Мира придвинулась и сама дочитала через моё плечо.

— Откуда ты знала? — спросил я.

— Видишь чёрточку под цифрами? — сказала Мира. Ей даже наклоняться к экрану не пришлось.

Под цифрами темнела чёрточка толщиной с единицу. Я принял её за грязь на стекле. Провёл пальцем — осталась.

Мира достала рулетку.

— Тебе пройти? — спросил Валерий, прижимаясь к стене.

— Не вы мешаете. Кир, покажи только место. Где стояла Ирина, когда отдёрнула руку?

Я ткнул носком в коврик, туда, где был каблук Ирины. Мира провела мелом черту.

— Подержи.

Я взял жёлтый корпус. Мира проверила, где относительно черты стояла Ирина, смотала ленту и подставила плечо под наружную дверь. Горин попросил жену прислать их летнюю фотографию, чтобы и мы увидели, что́ хранится у неё в телефоне. На снимке у реки стояли Ирина и Ася с мороженым. Между ними поблёскивала вода.

Я остался на коврике, только руку с телефоном высунул

на крыльцо. На снимке между Асей и Ириной появился Валерий. Одной рукой он обнимал жену. Я втянул руку обратно. Сквозь его рубашку опять проступила река.

Мира поднесла к экрану палец.

— Это один файл?

— Да, — сказал Валерий.

— А отправьте мне.

На Мирином экране было то же. Я увидел, как она несколько раз провела ребром телефона туда и обратно над меловой чертой. Каждый раз она задерживалась на одном и том же месте и наконец посмотрела на свои кроссовки. Оба стояли на коврике. Дело было не в том, кто держал телефон.

— Почему я его помню? — спросил я.

Мира промолчала. Валерий взял мой телефон и показал строчку.

«До закрытия жалобы заявитель сохраняет узнавание указанного лица».

Ниже было написано ещё кое-что:

«Удаление приложения не отменяет жалобу. Укажите принимающее место».

— Мы квартиру укажем, — сказал я. — Восемьдесят третью.

Я ввёл номер.

«Место не принимает».

Валерий выругался. Не громко. От этого получилось хуже. Я позвонил маме. Она ответила после шестого гудка.

— Кир, сейчас авария. Ты дома?

— На первом, мам. У двери подъезда.

— Внутри или уже на улице? Тут шум такой, я половины не слышу.

Валерий стоял рядом и ждал.

— Я сделал кое-что плохое.

Я начал было с фотографии. Горин слушал. Опять выходило, что про него я маме всё расскажу, а про себя промолчу. «Мам, это я его из жильцов убрал. Хотел, чтобы он сам потом просил его впустить». Она помолчала, потом попросила включить камеру. Мира поднесла свой телефон к моему и медленно вынесла его за порог. На снимке у реки появился отец Аси. Мама попросила повторить. Во второй раз я смотрел только на неё.

— Подожди на улице, — сказала мама наконец. — Я попрошу сменить меня.

— Ты веришь?

— Кир, поставь телефон так, чтобы я тебя увидела. Вот. Варежки где? Ладно, сунь руки в карманы. Я ищу сменщицу. Ты пока под козырьком, там светло. Не уходи.

Я отвернулся к дороге, будто проверял, не едет ли машина. Когда мама отключилась, я передал телефон Мире. Сам остался на крыльце, а она присела на коврике с той стороны порога. Внутри полоска опять появилась. Мира открыла список и повернула ко мне экран.

— Кирилл.

Я придержал дверь и наклонился к экрану. Там было ещё два заявления. Зоя Павловна Устинова. Геннадий Платонов. Возле обоих стояла отметка «Временно не размещены». Мира вернула мне телефон и вышла под козырёк.

— Они тоже снаружи? — спросил я.

Мира посмотрела на тёмные окна над козырьком.

— Не знаю.

Я тоже поднял голову. За одним окном женщина вешала бельё. Спиной к нам. Позвать её по имени я бы не решился.

Глава 5. Не ходи за ключом

Светка вышла из подъезда и помахала Ирине через дорогу. Та подозвала её к дверям кафе, передала ключи и вернулась к Асе за столик у окна. Через пару минут Светка вынесла Валерию ботинки и куртку. Горин переобулся на лавке. Я придержал прозрачный пакет, он сунул туда обоих мокрых зайцев. Светка унесла свёрнутый плед в кафе к Ирине.

— У меня запасной ключ в щитке, — сказал он. — Поднимусь, возьму.

— А если вы сами откроете, а Ирина опять вас не узнает? — спросила Мира.

— Ирка обещала подождать в кафе. Я только ключ возьму. Надоело звонить в свою дверь, как курьер.

Он пошёл к подъезду. Мира проводила его взглядом.

— Он сказал, что за ключом, а сам на своё окно смотрит. Подожди, я с ним до лифта.

— Мне велели ждать здесь, — сказал я Мире.

— Позвони ей.

Я набрал маму прямо от лавки. Сказал, что провожу соседа до большого лифта и вернусь. Мира, уже в тамбуре, держала для меня дверь.

— Ты за ним не ходи. Слышишь? Валерий взрослый человек, сам ключ достанет.

Я догнал их в холле. Хотел позвать соседа обратно, но он

уже стоял в кабине и прижимал к груди пакет с двумя мокрыми тапками. Это я послал его к Татьяне, а она при виде соседа собаку к себе подтянула. *А если на восьмом и двери своей не найдёт?* Я шагнул следом.

— Кир, ты ещё под козырьком? Я тебя только слышу, — сказала мама.

Я не ответил. Нажал восьмёрку. Мама услышала мотор.

— Господи. Так, включи камеру и не клади трубку. Меня ещё не сменили.

За маминой спиной звонили служебные телефоны. Пока коллеги отвечали, она оставалась со мной на связи. На восьмом нас встретил запах жареного лука из восемьдесят первой. Всякий раз, когда там жарили картошку, мама просила поплотнее прикрыть нашу дверь.

Горин шагнул из кабины первым. Налево от лифта мы с ним знали каждую щербинку: сперва восемьдесят первая, потом наша. Направо у самого пола блестела наклеенная Асей звезда — значит, здесь их квартира. За ней должна была идти восемьдесят четвёртая, и всё. В детстве я запускал в ту сторону машинки. Проедут мимо двух дверей и стукнутся о плинтус прямо под пожарной схемой.

Теперь направо было пять дверей.

Я пересчитал дверные ручки от щитка до угла. Пять. Пересчитал ещё раз и едва успел за Валерием.

— Валерий, вы куда? — окликнула Мира.

Валерий шёл к дальней.

— Домой. Звезду не видишь?

— Валерий, вот же ваша. Рядом с лифтом, — сказала Мира.

Он остановился. Обернулся на дверь возле нас, потом на ту, к которой направлялся.

У ближней звезды опять отклеился кончик, который сосед разгладил ногтем. У дальней загнулся точно такой же луч. Между ними темнели ещё три двери. Горин вернулся к нам и заглянул в щиток возле лифта. О металл брякнул пустой стаканчик из-под йогурта. Туда он клал запасной ключ.

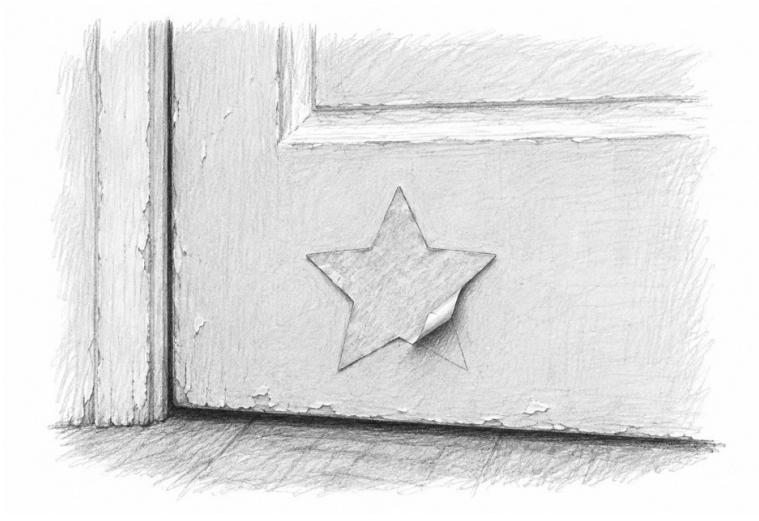
За дверью со второй звездой заиграл мамин рингтон.

Весёлая дурацкая мелодия. Мама сама просила её поставить. Я узнал первые три ноты.

— Мам? — сказал я в свой телефон.

— Да, Кир. Я тут.

Её голос был у моего уха. А мелодия продолжала играть за дверью. Я убавил громкость аппарата. Не помогло.

— Ты сейчас где? — спросил я.

— На работе. Что случилось?

Весёлая мелодия оборвалась на полутакте.

Из-за дальней двери меня окликнули:

— Кирилл, открой, руки заняты.

Мира была посередине между звёздами. Конец жёлтой ленты лежал у неё под кроссовком. Она чиркнула мелом по плитке, отпустила ленту и взяла ещё пять метров от новой черты. Я пошёл за ней. Хотелось услышать этот голос ещё раз.

— Вы слышите? Моя мама ещё со мной разговаривает.

Валерий обогнал меня у последней меловой черты. До

двери с дальней звездой оставался шаг.

— Валерий, не открывайте. У меня она на связи.

Из-за дальней двери постучали. Три коротких, один после паузы. Раньше мама так стучала с лестницы, когда забывала ключ. Теперь я сам стоял на лестнице, а стук шёл с той стороны, где полагалось быть комнатам. Мама в телефоне тоже его слышала.

— Кирилл, ну чего ты ждёшь? — попросили из-за двери.

Телефон чуть не выскользнул у меня из руки.

— Не открывай, — сказала настоящая мама.

Я отступил.

Створки лифта разъехались у нас за спиной. Я попятился в кабину, лишь бы подальше от двери, за которой мама всё ещё просила открыть. Мира втащила рулетку следом, Валерий загородил нас обоих. Уже из кабины я увидел на полу её меловые чёрточки. До нашего лифта надо было пройти мимо обеих. На обратном пути мы не дошли даже до ближайшей.

Валерий нажал первый этаж. В щели между створками мелькнула дальняя звезда с отклеенным лучом. Мира присела у панели. Металлический кончик рулетки постукивал о молнию жилета. Я только тут заметил, как у неё дрожат руки.

— А там справа, — сказала она, — целых восемь метров лишних.

— Что?

Она держала конец рулетки.

— У нас на шестом такой же этаж. От лифта до схемы три

с половиной метра. Здесь ленты на пять метров два раза не хватило. Я мелом отмечала, куда дотянулась.

Валерий смотрел на панель. Восемь. Семь. Шесть.

— Мам, мы едем вниз, — сказал я.

— Я уже выхожу. Буду примерно через полчаса.

Пять. Четыре. Три. Лифт слегка качнулся.

Два.

Один.

Ноль.

Я никогда раньше не видел здесь нуля.

За дверями не было нашего холла.

Кабина открылась прямо в узкий бетонный коридор. Обычно на первом шагнёшь из лифта и видишь почтовые ящики, дальше стеклянные двери, а сквозь них двор. Здесь даже окна не было. Лампа освещала только несколько шагов перед нами. Слева, чуть выше головы, тянулась труба. С неё свисала синяя табличка, точь-в-точь как у нас на этажах. Только на месте цифры — царапины до металла.

Где-то в конце стукнула ложка о кружку.

Глава 6. Мальчик возле коробки

Валерий зажал кнопку открывания.

— Не выходите.

Из коридора показалась женщина в длинной вязаной кофте. Волосы короткие, совсем седые. Большие круглые очки сползли на кончик носа. Я всё ждал, когда она их поправит, но обеими руками она держалась за кружку.

— Мира? — спросила она.

Мира не ответила.

— Ну наконец-то. Я тебе звонила.

— Зоя Павловна…

Зоя подняла ногу над полоской металла между коридором и кабиной. Я видел, как она наступила на рифлёный пол. И всё же, когда она посмотрела под ноги, обе подошвы стояли снаружи, на бетоне. Она попробовала ещё раз, медленнее. Валерий следил за её тапками, не моргая. На третий раз он отвернулся.

— Не пускает, — сказала женщина. — Хоть тресни.

— Ты в кабине, Кир? Поверни камеру, дай я на тебя посмотрю.

Я развернул камеру: вот моё лицо, а за плечом тот самый поручень, за который я держусь по дороге в школу. На маленьком экране мама прижимала костяшки пальцев к губам.

— Я Валерий Горин, из восемьдесят третьей. А вы кто?

Женщина посмотрела на него поверх очков, потом на меня. Я кивнул.

— Так это вы? Я этажом ниже живу. У вас ещё стиральная машина потекла, помните? Я с мокрым полотенцем к вам поднималась.

Она осеклась.

— А, — сказала она. — Вы меня тоже не помните.

Я наклонился через порог. Зоя снова занесла ногу, покачнулась, и я шагнул к ней под руку. Только когда она выпрямилась, я понял, что обеими ногами стою снаружи.

— Кир! — крикнула мама.

— Я здесь. Я возле двери.

— Камеру вниз. Покажи мне ноги.

Я опустил телефон. Под носками кроссовок был серый бетон, прямо за пятками — металл лифтового порога. Мама попросила Валерия протянуть мне руку. Я взялся за неё. Только тогда мама смогла спросить, сколько человек внизу.

— Я никуда не иду, вот он меня держит, — сказал я.

Из кабины на бетон падал светлый прямоугольник. Если встать на самый край, можно было разглядеть, что находится дальше в коридоре. Слева под трубой стоял ребристый обогреватель. Его шнур был аккуратно свёрнут, а вот розетки я нигде не увидел. Чуть дальше человек в рабочей куртке сидел на деревянном ящике. Он грел руки собственным дыханием.

— Новый? — спросил он.

— Я Кирилл.

— Гена. Ты только на картонку не наступи. Там винты, запасных нет.

Горин выпустил мою руку, когда Гена подвинул ящик поближе к свету из кабины. Мастер поднялся, с трудом разогнул правую ногу.

— Вы не видели выход? — спросил я.

— Вон та дверь. Должна на лестницу вести. Я ручку снял. Посвети-ка туда.

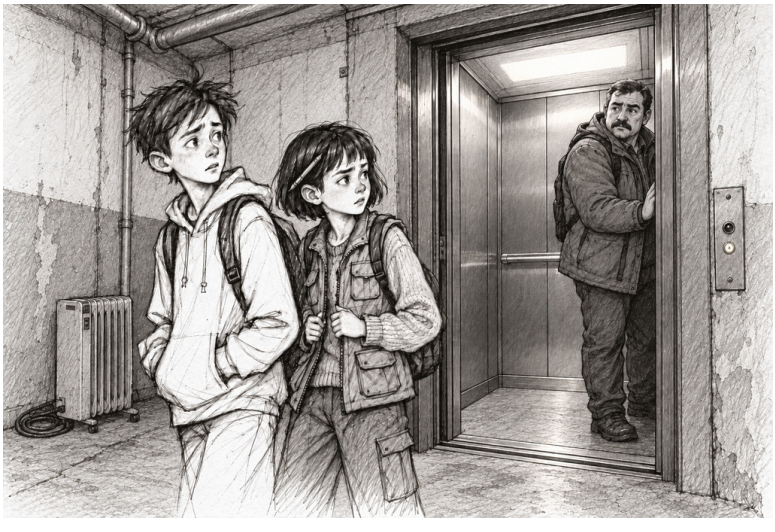
Я включил фонарик на телефоне. Гена показал отвёрткой на отверстие в двери. Винты лежали на картонке, рядом с кусочками краски.

— И что?

— Нагнись. Чуть левее. Теперь смотри.

Я направил свет по его отвёртке. Внутри блеснула ещё одна, целая. Он толкнул дверь плечом. Край отверстия сместился, а ручка осталась на месте. Оказывается, за первой дверью вплотную стояла вторая.

Мира вышла следом за мной. Горин остался в кабине у кнопки, и створки за нашими спинами не сомкнулись.

— Зоя Павловна, когда вы сюда…

— Сегодня ночью, в три семнадцать. Часы посмотрела. Думала, мне плохо сделалось.

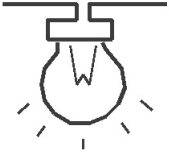
Зоя поставила кружку на обогреватель.

— Спать не могла. Дай, думаю, хоть мусор вынесу. С собой ещё пакет вещей прихватила: думала оставить у почтовых ящиков, вдруг кому пригодятся. Внизу всё в воде, пришлось тащить пакет обратно. До седьмого я доехала как всегда. А в квартиру ключ не идёт. Ну, думаю, спущусь к домофону, позвоню дежурной. Нажала первый, двери открылись — вместо почтовых ящиков вон та труба. Я выглянула, сразу повернулась обратно. Кабина ещё стояла, а я в неё уже шаг-

нуть не могла.

— А вы? — спросил я у Гены.

Он достал из-под куртки телефон и открыл приложение аварийки. На экране я увидел наш адрес и фотографию подвальной двери. Под ней стояло: «Исполнитель: Геннадий Платонов. Пропуск № 6».

— Мне дежурная ночью звонит: в вашем подвале свет погас. Мы с женой через два двора живём. Она тоже проснулась, я ей говорю: ставь чайник, пока закипит, я обернусь. Спустился по лестнице, приложил ключ к железной двери. За собой её захлопнул. Там в конце коридора насосная, лампа над самим насосом. Он так гудит, что я стремянку ставлю — под ногами ступеньки дрожат.

Гена показал мне в телефоне, когда закончил работу. «Лампа заменена» — в 03:16.

— Собрал ключи в сумку. Стремянку оставил, решил вторым ходом забрать. Иду обратно, толкаю ту же железную дверь. Думал, сумку на ступеньку поставлю, чтоб дверь не захлопнулась. А за ней вот этот ящик. С утра жена мне на-

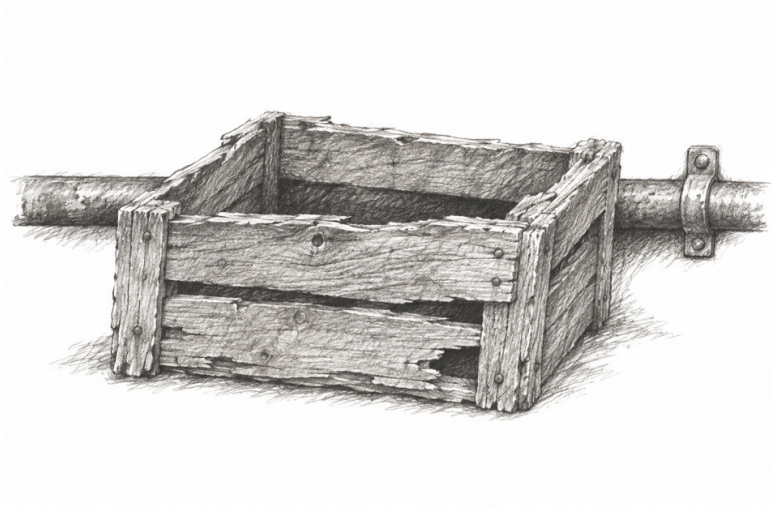
званивает.

А я бы что маме сказал, если б застрял тут на ночь?

— Я здесь, — шепнул кто-то у меня за спиной.

Так я сам недавно ответил маме, когда она потеряла меня из виду.

За ящиком тянулась труба. Я заглянул с одного конца, Зоя наклонилась с другого. Пусто.

— Мы с Геной тоже искали, — сказала она. — Я спрашиваю: «Ты где?» А мне от самого пола: «Ты где?» Думала, маленький передразнивает.

Я чуть было тоже не спросил где. Вместо этого снял с од-

ного плеча лямку рюкзака и подставил её туда, откуда, как мне показалось, шёл шёпот.

— Я Кир. Видишь, болтается? Дёрни, если ты здесь.

Ничего. Я оставил лямку висеть. Чуть погодя рюкзак легонько потянуло вниз. Я опустил плечо, чтобы легче было ухватиться. На этот раз меня дёрнули дважды.

Я обернулся.

Передо мной стоял мальчишка лет одиннадцати. Он разжал пальцы. Лямка соскользнула, а на ладони остался вдавленный след от шва. Мальчишка потёр его большим пальцем. Когда я поправил рюкзак, брелок качнулся у самого его носа.

— У тебя отломано, — сказал он.

Я посмотрел на брелок. У динозавра не было лапы.

— Знаю.

— Ему бы сюда что-нибудь круглое, — сказал мальчишка и потрогал обломок. — Как будто колено.

Зоя поставила кружку и пошарила в пакете, который собиралась оставить у почтовых ящиков. Достала потёртую картонную коробочку.

— У меня там от пальто есть. Примерь.

Она протянула коробочку на ладони. Мальчишка взял её обеими руками и поставил на ящик между нами.

Он открыл коробку. Внутри лежали пуговицы — белые, чёрные, одна большая красная. В углу перекатывалась катушка ниток.

Мальчишка приложил красную к обломку.

— Кир, а отцепи его на секундочку. Посмотрим, сможет он с такой стоять.

— Не надо.

— Хорошо.

Он убрал красную пуговицу к остальным и подвинул коробочку к Зое. Она надела крышку, но коробочку подтолкнула обратно.

— Тебе дарю. Для того и несла, вдруг кому пригодится.

— И красную?

— И красную. Забирай уж, пока я под неё пальто не ку-

пила.

Он тихонько тряхнул коробочку возле уха, послушал и зажал её под мышкой. Потом пододвинул ко мне второй ящик.

— Садись. Тут холод снизу.

— Как тебя зовут?

— Лёня.

Я остался стоять. На деревянной крышке темнели круги от донышка. *Сниму рюкзак, пристроюсь поудобнее — и сколько я тут просижу?* Я подтянул лямку на плече. Лёня всё-таки оставил ящик рядом.

В телефоне мама уже просила нас вернуться в кабину. Она нашла сменщицу и ехала домой. Над мальчиком труба изгибалась и уходила в стену.

— Ты тоже здесь живёшь? — спросил я.

Он пожал плечами.

— А у тебя комната чем пахнет?

— Что?

— Когда заходишь. Сразу чем?

Да ничем у меня не пахнет. Я чуть было так и сказал.

Потом вспомнил клей от модели, мокрую толстовку на стуле и пыль в батарее.

Лёня ждал, будто я собирался рассказать ему что-то очень важное.

Глава 7. До следующего обхода

Обратно мы решили идти вместе. Первой я подвёл к кабине Зою Павловну. Её ладонь оказалась тёплой и чуть шершавой. На бетоне у самого порога блестела влага, и я покрепче сцепил пальцы, чтобы она не поскользнулась.

— Идём вместе, — сказал я.

Я переступил на рифлёный пол. Рука у меня по-прежнему была согнута, словно я кого-то вёл, только в ладони было пусто. Зоя стояла на бетоне. Тогда я вернулся к ней, Мира подошла с другого бока. Мы подхватили её под локти и дали ей самой выбрать, с какой ноги шагнуть.

Мы с Мирой оказались в кабине. Зоя стояла в двух шагах от нас, возле обогревателя.

Мира удержала кнопку, пока Гена сам попробовал пройти. На миг я увидел его куртку рядом с поручнем кабины. Моргнул — он опять стоял у ящика. Валерий вышел к нему на бетон и тут же вернулся к нам. Даже подошвы не шаркнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.